

КОСМИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ В ИСКУССТВЕ

10–11 сентября 2003 г.

Т.П.ГРИГОРЬЕВА,

доктор филологических наук,
Институт востоковедения РАН,
Москва

ДЗЭН КАК СВОБОДА, СВОБОДА КАК ТВОРЧЕСТВО

Останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты – царь! Дорогою свободной

Иди, куда влечет тебя свободный ум.

А.С.Пушкин

В свободном порыве души рождается образ на земном плане. Говоря словами Бердяева, происходит *«переход в новый мировой эон, в котором всякое творчество будет уже продолжением Божьего творения мира»* [3, с. 23]. Это в «Кризисе искусства»: кризис наступает, когда уходит свобода. Ныне чем больше говорят о свободе, тем меньше ее становится, хотя пришло ее время: без свободы ничто состояться не может, ни отдельный человек, ни жизнь во Вселенной. Тем не менее именно свобода не дается разуму. Не потому ли, что ее ждут извне, а она рождается изнутри? В чем же причина неуволivosti свободы?¹ Ответ дан более

---

¹ *«Мы очень много говорим сегодня о различных видах свободы политической, экономической и иной, но это совсем не то. До тех пор, пока разные виды свободы или прав, о которых мы столько болтаем, остаются на уровне относительности, они далеки от своей истинной сущности. Подлинная свобода – это результат Просветления»* – это мнение Дайсэцу Судзуки [7, с. 10]. Примерно тогда же об этом говорил и Николай Бердяев: *«Либерализм есть исключительно общественное мирозерцание, либералы – общественники, и свобода означает у них такую политическую организацию общества, при которой общество наделяет своих граждан субъективными правами. Либерализм есть одноплановое мирозерцание, оно не видит, что человек принадлежит к двум планам бытия. Эта двупланность человеческого существования означает, что существует свобода не только в обществе, но и свобода от общества... Свобода духа не зависит ни от какой организации общества <...> есть принадлежность к иному плану бытия, к царству духа. Свобода есть дух, и дух есть свобода, но именно поэтому свобода умалывается и ущемляется по мере нисхождения к материальному плану жизни»* [4, с. 332].

2000 лет назад: «*И познаёте истину, и истина сделает вас свободными*» [Ин. 8:32]. Но с тех пор не столько познавали Истину, сколько самоутверждались. Человек возомнил себя истиной в последней инстанции, «мерой вещей». Сама же «мера» не есть Истина, а лишь путь к ней, если это та «мера», соблюдая которую, душа пребывает в равновесии и доходит до «полноты» [Св. Августин. О счастливой жизни. 4:38]. Тот же Августин говорил: «*Я нашел, что над моей изменчивой мыслью есть неизменная, настоящая и вечная истина*» [Бл. Августин. Исповедь. 7:XVII]. Что же мешает следовать вечной Истине? И на это Августин отвечает: «*Почему же истина возбуждает против себя ненависть, и человек Твой, проповедующий истину, делается врагом людей? Не потому ли, что они сначала избирают для себя любимый предмет, а потом желают, чтобы их любимый предмет был истиною. <...> Они ненавидят истину из-за того предмета, который любят вместо истины. <...> В наказание за это он сам (человек. — Т.Г.) не может скрыться от истины, а истина скрывается от него*» [Исповедь. 10:XXIII].

Что следует из этой глубокой мысли Святого? Во-первых, что часть подменила Целое, но «*всякая часть, которая не согласуется с целым, безобразна*», человек же прилепляется «*к одной части, к мнимому единству*» [Исповедь. 3:X]. В Примечаниях к «Исповеди» уточняется мысль Августина: Бог «*привел все к единому порядку; этот порядок и делает из мира “единое целое” — universitas. Эту целостность человек “разрывает”, предпочтя ей, из личной гордости и личных симпатий, “одну часть”, “мнимое единство”; он, таким образом, ставит “часть” выше “целого”; достоинством, принадлежащим “целому” — universitati, он облакает “часть”*» [1, с. 420]. Во-вторых, сущностно то, что Истина не может не состояться, не **быть**, признает ее человек или нет, ибо задана изначально.

Истина есть *Целое*, значит, человек, отпавший от Истины, отпадает от себя, потому что отторгается Бытием — за ненадобностью. Тем не менее человек с неразвитым сознанием, одержимый ускорением движения неизвестно зачем и неизвестно куда, предпочел следовать *части*, принимая во внимание мир видимый, поверхность вещей. (Потому и говорят о *плоскостном* мышлении, называя его *несчастливым*.) *Часть* же в принципе не может быть свободной, пребывая в зависимости от другой *части*, скажем, более высокого ранга. Это не могло не тревожить чуткого к человеческим страданиям Николая Бердяева: «*Исчезает человек как*

целостное существо внутренне центрированное. <...> Дробные и частичные элементы человека предъявляют права не только на автономию, но и на верховное знание жизни» [4, с. 327].

Можно говорить о психологии *части* у подавляющего большинства (в прямом и переносном смысле), чье видение искажено по причине неведения (буддийская *авидья* – помраченное сознание, которое ложное, кажущееся принимает за истинное). Но в начале XXI века это неведение, непонимание происходящих процессов угрожает существованию людей. Можно сказать, все конфликты, войны, иррациональное насилие, религиозные распри, все абсурдное в жизни происходит из-за этой искаженной меры, или искаженного сознания, поставившего *часть* на место *Целого*. Потому и говорят об усеченном сознании, о тирании усредненного человека-*ман*. Похоже, распалась не только «связь времен», но и связь пространств, сама Основа разошлась в разные стороны и разверзлась бездна, обстреливаемая с разных сторон. «*Бездна призывает бездну*», – сказано в Псалмах [Пс. 41:8].

Человек, действительно, мера вещей, по мере и воздается. Дробный человек дробит действительность, низводит мир в низшие сферы, вопреки человеческому предназначению одухотворять сущее, соединять земное с небесным. Отпав от Бога, человек отпал от себя, и все начало рассыпаться. Потому и заговорили о необходимости нового мышления, которое только и может спасти планету от гибели. Но прошло более полувека, как прозвучал этот призыв в известном «Манифесте» Рассела – Эйнштейна, а люди лишь ускоряют панический бег к бездне. То, что происходит в нашем безумном мире, подтвердило опасения ученых. И, наверное, спасение зависит от того, успеет ли человечество перейти от замкнутого, ограниченного языка понятий к безграничному, открытому языку образа или искусства, ниспосланному свыше: «глаголом жечь сердца людей».

Не случайно те, кто способен понимать происходящее, ищут ответ в мудрости древних, которые, по словам Платона, были умнее нас, ибо за множеством видели Единое. Отсюда интерес и к восточным учениям, к буддийской модели непротивостояния, недвойственности (*санск.* адвайта, *яп.* фуни). Все едино в своей Основе: Небо и Земля, Человек и Вселенная, Восток и Запад. Противостояние – плод помраченного сознания, которое можно очистить, следуя правильному Пути. В буддизме это постепен-

ный, «восьмеричный», Путь или мгновенный, дзэнский, но суть одна — очищение сознания. Возможен один-единственный вид борьбы — с собственным невежеством — и в буддизме, и в христианстве. Все остальные (скажем, борьба за свободу слова, за права личности, за конституцию) необходимы, чтобы как-то сдерживать агрессию и называть вещи своими именами, но они не могут дать свободы. Темное сознание превращает эти завоевания человечества в темную силу. Зло не уменьшилось: в наше время мир сотрясается от взрывов и выстрелов в спину. Значит, что-то нужно менять в самом человеке, чтобы он не уничтожил себя.

Борьбу за сносные условия жизни буддисты называли бы *упая*, временное средство, подспорье, которое само по себе может способствовать свободе, но не реализовать ее. Свобода не подвластна силе и не даруется свыше¹. Она «добытийна», уже существует и приходит, когда человек созрел для нее. Свобода как дух, возможность творческой реализации личности, доступна лишь измененному сознанию, по Бердяеву, сингулярному (каждая точка сама по себе сопряжена с вечностью). (Можно согнуть линию, но не точку.) *«Познание Божества предполагает прохождение через катастрофу сознания, через духовное озарение, изменяющее самую природу разума. Просветленный, озаренный разум есть уже иной разум, не разум мира сего и века сего. Божество имманентно просветленному, озаренному, духовно-целостному разуму»* [4, с. 62]. И если бы я не прочла это в «Философии свободного духа», то сочла бы за высказывание дзэнского мастера, притом что Бердяев не знал Дзэн. Не есть ли это подтверждение действительно неизменной Истины, которая является пронизательным, духовным людям в разное время, в разном пространстве именно потому, что она извечна. Одни могут называть ее познанием Божества, другие — разумом Будды, но суть одна. Для буддистов — это Просветление, или Праджня, вселенская Мудрость. Ее оборотная сторона — вселенское Сострадание (Махакаруна). Знание — путь к Мудрости, но не сама Мудрость, которая милосердна, потому что всеобща,

---

¹ *«Милосердие Будды ко всем существам столь велико и интенсивно, что он использует любые средства (упая), чтобы привести их к состоянию просветления и счастья. <...> Когда буддисты заявляют, что наш злейший враг станет нашим спасителем, они имеют в виду именно эту концепцию буддийской каруны (сострадания), способной принять любую форму для осуществления своей цели»* [7, с. 471].

не избирательна. Она освобождает ум от всякой зависимости, и логической, когда предыдущее обуславливает последующее – по горизонтали, образуя линейный причинно-следственный ряд, за который не принято заходить. Мы так привыкли к этому порядку, что не отдаем себе отчета в том, что логика – допущение ума. Она может облегчать устройство тварного мира и взаимопонимание людей, но может с таким же успехом разрушать его (как это делали фашистские лидеры). Логика не есть моральный закон, в отличие от Пути-Дао, но она претворяет интуицию. Однако горизонтальное мышление ничего не меняет по существу, лишь накапливает то, что уже есть. Качественное изменение, преобразование души, предполагает вертикальную связь с Богом, с Духом Святым, с повелением Неба или Дао.

Для Дзэн осознание сущего есть Озарение (Сатори). Карл Густав Юнг, проникший в тайны восточного мышления, дает описание Сатори японским профессором, приверженцем Сото Дзэн: *«Освободив себя от ложного понимания “Я”, мы должны пробудить нашу внутреннюю мудрость, чистую и священную, называемую мастерами Дзэн Умом Будды, или Бодхи, или Праджня. Это священный свет, внутренний рай, ключ ко всем моральным сокровищам, источник всех влияний и власти, обитель доброты, справедливости, симпатии, беспристрастной любви, человечности и милосердия, мера всех вещей. Когда эта внутренняя мудрость пробудится, мы способны осознать, что каждый из нас идентичен в духе, в сущности, в природе с универсальной жизнью, или Буддой <...> что жизнь вовсе не океан страданий <...> но священный храм Будды, Чистая Земля, где каждый может наслаждаться блаженством Нирваны»* [11, с. 6]. Вот так последователь Дзэн описывает сущность Просветления. С точки зрения Юнга, здесь самые незначительные расхождения с любой христианской книгой благочестия.

Неудивительно, если все единосущно: «Одно во Всем и Все в Одном». То есть если индивидуально, то и универсально: связь не по горизонтали – количественная, а по вертикали – качественная, что позволяет каждому, сохраняя себя, общаться с другими, со всем миром. Это и есть сингулярный тип связи: отношение к индивидуальным вещам как совершенным в самих себе и в то же время воплощающим природу целого. В единичном проявляет себя Единое, или множество на низшем уровне предполагает единство на высшем. Но это все тот же мир, сансара и есть

нирвана: «Одно во Всем и Все в Одним». Когда это понято в полной мере, есть место для творческого гения, уверяет Дайсэцу Судзуки (1870–1966), сделавший Дзэн достоянием Запада. Согласно Дзэн, мир «можно уподобить кругу, центр которого везде, поскольку у него нет окружности» [7, с. 39]. Потому «Дзэн всегда держится непосредственного опыта, он отказывается подчиняться какой-либо системе философии» [7, с. 160].

О том, насколько органично сознанию японцев такое восприятие мира, свидетельствуют все традиционные формы искусств. Столь же органична приверженность Истине (Макото), которую с древних времен отождествляли с потаенной Красотой (Би), сущностью мира. При нелинейности или сингулярности все сохраняет свою душу (кокоро), что и делает каждую вещь независимой, неповторимой, приобщая ее к единому сердцу Вселенной (иссин). Независимость не только друг от друга, от построений ума, но и от времени и пространства. То, что возникло в древности, живет в Японии поныне: поэзия танка, хокку, театр Но и Кабуки, живопись тушью по рисовой бумаге (сумиэ). И не случайно традиционное искусство японцев воспринимается другими народами как рожденное у себя, из одного истока.

Закон недвойственности, непротивостояния не мог не сказаться и на религиозном чувстве. Можно вспомнить японского христианина Утимура Кандзо (1861–1930), который во главу угла ставит Истину – Синри (к иероглифу Син/Макото добавляется иероглиф Ри/кит. Ли – закон Единого, явленного в единичном). В самое неподходящее, казалось бы, время успеха Японии в войне с Китаем Утимура Кандзо напоминает соотечественникам: *«Истина исходит от Бога, не от государства. Если не можем спасти страну, постараемся спасти Истину. Если сохраним Истину, то и поверженное государство поднимется. Отречемся от Истины, и процветающее государство погибнет. Тот, кто думает о сохранении мира, верность Истине ставит выше верности государству»*¹ [6, т. 8]. Помраченное сознание не могло, сколь ни казалось мощным, изъять из подсознания то, что веками почитали как высший

---

¹ И это почти буквально совпадает с уверениями П.Я.Чаадаева: *«Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества»* [Апология сумасшедшего. 1837].

закон Бытия. *«Извечно существует потребность в Истине. В наши дни ни наука, ни философия не отражают Истину. Истина – это то, что пребывает на глубине, самая суть вещей, жизнь и свет человека. Люди честные, искренние могут увидеть ее прямо, без университетского или книжного знания. Трудно себе представить, как может сколь-нибудь долго просуществовать общество, пренебрегающее Истиной»* [6, т. 5, с. 10]. И вновь напоминает: *«Истина, как и Жизнь, труднодостижима, и оттого наш механический век усомнился и в Истине, и в Жизни, в силу их неопределенности. Истинное знание Жизни приходит через ее проживание. Скальпель и микроскоп дают представление лишь о ее механизме. Мы можем узнать Истину, пережив ее. Логика, педантизм лишь отдаляют от нее. Истина – Там, она светла и величественна, мы можем лишь пойти к Ней, Туда, от себя, а не звать ее к себе»* [6, т. 3, с. 146].

Здесь нетрудно заметить дзэнский взгляд на вещи, который не противоречит приверженности японского подвижника христианской вере. В 1898 году в статье «Буддизм и Христианство» Утимура Кандзо уверял, что нет в мире более близких религий. И та, и другая ведут мир к спасению от хаоса, порождаемого распрямами. Но мало кто понимает смысл Нирваны. Пусть она отличается от христианских Небес, по сути она есть бесконечность подсознательного, или высшего, сознания. Буддизм не вообще отрицание, а отрицание печали – не блаженства, отрицание греха – не добродетели, отрицание смерти, а не жизни. *«И буддизм, и христианство есть всемирные религии братства, без различия рас, наций и классов. Каждому открыт путь в общину-санху и в христианскую церковь»* [6, т. 5, с. 383]. Обе есть религии Любви, писал он в 1926 году, две стороны одной Истины.

И в конце жизненного пути говорит о том же: *«Я ищу универсальную Истину повсюду, в своем доме, в размышлениях, в своей душе – не на конференциях, где мужчины и женщины собираются, чтобы обрести мудрость. Я ищу Истину, которая годилась бы для всех людей, высоких и низких, богатых и бедных, мудрых и немудрых. Ищу “свет, который светит каждому человеку” независимо от расы, национальности, религии. Эта Истина столь глубока, что достигает центра Бытия. Ценность человеческой жизни заключается только в ней. Эта сокровенная Истина универсума сама себя обнаруживает, и каждый человек, находя ее в самом себе, становится универсальным, поднимаясь над собой и над миром»* [6, т. 31, с. 281].

Но это и есть Дзэн! Неудивительно, если иметь в виду, что мысль японцев обращена в прошлое, где все уже пребывает в неявленном виде, время лишь вносит свои коррективы. Чувство Неизменного в изменчивом (фуэки-рюко) предопределило их образ мышления и Путь искусства. *«Без Неизменного нет Основы, без изменчивого нет обновления»*, – подтверждает любимый не только в Японии поэт Мацуо Басё (1644–1694). И здесь ощущение двуединства мира неявленного, истинно-сущего, и явленного, подверженного переменам, но Основа остается неизменной. Невидимое истинно-сущее всегда присутствует в том, что создавали японцы. Дзэнский поэт XV века Иккю выразит это на одном дыхании:

*Как чудесен божественный
Дух человека!
Заполняет весь мир,
Входит в каждую былинку.*

Это и значит видеть вещи **как есть**, в их *Татхате* (Таковости), в их изначальной природе, которая у каждого своя и у всех Одна. Судзуки называет чувство Таковости интуицией-праджней, а точнее, **чувством** в его глубинном смысле. Чувство в его полноте японцы уже в древности называли *ёдзё*. По словам ученика Басё поэта Кёрай, поэтический прием *сиори* (гибкость) рождает жалость. *«Поэт не говорит об этом прямо. Не скажешь, что хайку преисполнено чувством жалости, но трогает душу. Это трудно передать словами. Сиори глубоко скрыто, но волнует. Сиори – это ёдзё, то, что заставляет сострадать другому»* [10, с. 56]. Изначальное чувство, или «изначальное сердце» (хонсин), лежит в основе творческого акта, пронизывает японскую поэзию, позволяя переживать конечное как бесконечное.

Пребывать в Татхате, значит просто жить и давать жить другому, быть равным всему, быть Срединным между Небом и Землей. Потому и называют Татхату «бездонной Пустотой», где все само себе принадлежит и потому едино со всеми. Обычным людям Татхата недоступна в силу помраченности их ума. Хотя, казалось бы, что проще, чем быть самим собой? Но прежде, чем стать самим собой, нужно забыть себя, говорит мастер Догэн (1200–1253), основатель дзэнской школы Сото в Японии. *«Узнать Будду,*

значит узнать себя. Узнать себя, значит забыть себя. Забыть себя, значит стать единым со всеми дхармами. Стать единым со всеми дхармами, значит отбросить свой ум и свое тело, которые едины с умом и телом других» [5, с. 7–8].

Для нас это совершенно невозможный ход мысли: отбросить то, чем человек Запада привык дорожить превыше всего – свое тело, мысли, свое «я». Но это потому, что мы видим что-то одно, то, что по сю сторону; наше малое «я» затмевает истинного, внутреннего человека. Непробужденный скорее страшится подсознания, чем видит в нем благую весть. Нужно забыть себя сиюминутного, говорят мастера Дзэн, чтобы вспомнить себя извечного. *«Истинное “Я” существовало еще до того, как разделились Небо и Земля, до того, как родились отец и мать, – говорит дзэнский мастер Такуан Сохо (1573–1645). – И это “Я” существует во мне, во всех птицах и зверях, в траве и деревьях, во всем. Это называется природой Будды. Истинное “Я” не имеет ни образа, ни формы <...> и лишь Просветленный может увидеть его».* Это возможно, потому что начальное сознание едино (иссин): *«Сознание не рождается с вами и не умирает после вашей смерти. Поэтому его называют вашим Изначальным Лицом. Небо не способно его закрыть. Земля не способна воздействовать на него. Огонь не может его сжечь, а вода затопить. Даже ветер не может проникнуть в него. Нет ничего под небесами, что могло бы воспрепятствовать ему» [13, с. 80].*

«Узнать Будду, значит узнать себя» – то есть в каждом человеке живет Будда, только не каждый это понимает. Просветление (Хонгаку) изначально присуще каждому. «Наше сердце-разум и есть Будда» («Сокусин дзэбуцу») – называется 5-й свиток «Сёбогэндзо». Наше изначальное «Я», каким оно было до рождения, открыто всем сущностям, и нужно лишь вернуться к себе истинному, постоянно пребывающему. Для этого следует забыть себя, отказаться от никчемного эго, озабоченного лишь собой, от вторичного «я», чтобы узреть в себе первичное, внутреннего человека, который не похож на других и един со всеми. Потому и называется эго-сознание *авидьей* – помраченным умом, сквозь который не проникает божественный Свет. Просветленный человек начинает видеть вещи как они есть, в их Таковости. Осознав, что все есть Будда, очистив сознание от клеш (*яп.* бонно – алчность, зависть, болтливость, корысть, глупость), освобождаются от теньной призрачности, суетного мира, преграждающего путь Свету.

Прозревая неповторимую душу каждой вещи, ее достоинство, преображенный человек ощущает все-родство, со-чувственное ко всему отношение, становится Всечеловеком (в нашей традиции Богочеловеком). Судзуки называет истинное «Я» «*абсолютной субъективностью*» или «*только субъектом*», что исключает возможность отношения к другому как к объекту. То есть пробужденный не противостоит никому, не ставит себя выше других; будучи целостным, ощущает целостность, неслучайность каждого существа. Насколько такое безобъектное отношение труднодостижимо для западного ума, Судзуки показывает на конкретном примере, сравнивая двух прославленных поэтов — Мацуо Басё и Теннисона. «*Басё сочинил однажды стихотворение из семнадцати слогов, известное как хайку или хокку.*

*Внимательно взглядишь!
Цветы “пастушьей сумки”
Увидишь под плетнем!*

<...> Сама его скромная неброская красота вызывает искреннее восхищение. В каждом лепестке поэт может прочесть глубочайшее таинство жизни. <...>

И стихотворение Теннисона:

*Возросший средь руин цветок,
Тебя из трещин древних извлекаю,
Ты предо мною весь — вот корень, стебелек,
здесь, на моей ладони.
Ты мал, цветок, но если бы я понял,
Что есть твой корень, стебелек, и в чем
вся суть твоя, цветок,
Тогда я Бога суть и человека суть познал бы.*

<...> Теннисон срывает цветок, держит его в руке “вместе с корнями”. <...> Басё даже не прикасается к “пастушьей сумке”. <...> Глядя на сорванный цветок, который, вероятно, уже начинает вянуть, Теннисон задается вопросом: “Понимаю ли я тебя?” Басё совсем не пытлив. Он ощущает тайну, открывающуюся в скромном цветке, — таинство, уходящее в глубокий источник всего сущего. <...> Басё целиком “субъективен” (“субъект” для меня — это то,

что я называю “абсолютной субъективностью”). Басё держится этой “абсолютной субъективности”, в которой он видит цветок, а цветок видит Басё. Это не эмпатия, не симпатия и не идентификация. <...> Вся глубина чувства, вся тайна выразительности или даже философия “абсолютной субъективности” постижимы только для того, кто испытал подобное.

У Теннисона, насколько я могу судить, прежде всего нет глубины чувства. У него все сводится к интеллекту, это типично западная ментальность» [8, с. 84–88].

Судзуки попал в точку: отношение к миру как к объекту, существующему во имя человека, – антропоцентристское видение, унаследованное от греков, видимо, самый устойчивый архетип. Но в жертву приносится та самая Татхата, Истина, которую превыше всего ставили японские мастера. Недоверие чувству в его глубинном смысле, о чем нередко пишут, обусловило бесчувственный ум, «одномерного человека», которого и человеком трудно назвать в силу его одномерности.

Свобода рождается от духа, который не знает границ. Говоря словами Судзуки: «Дзэн – это дух человека. Дзэн полагается на присущую этому духу внутреннюю чистоту и праведность. Все человеческие вмешательства в деятельность духа ущемляют его целостность и спонтанность» [9, с. 158]. Потому в Дзэн (от дхьяна – глубинное сосредоточение) не полагаются на слова, на письменные знаки (фурю мондзи). Истина постигается лишь в непосредственном опыте, в состоянии муга (не-я), мусин (не-умствования). Тогда и становится человек самим собой, находит свое Я.

Может быть, действительно, следует не столько «познать себя» (да это и невозможно: истинное «Я» неисчерпаемо), сколько «забыть себя», порвать цепь причин и следствий, опутавших человека, выйти за пределы иллюзорного бытия-майи, сквозь которую не проходит изначальный Свет. Потому и говорят: Дзэн – прыжок в истинную природу человека, каким он был до своего рождения, в свободном состоянии, не обремененным страхом что-то потерять. Отпустить свой ум на свободу, довериться ему, ибо истинный ум безграничен и светел; держать ум в унисон с Пустотой, или Таковостью, где все пребывает в своем истинном виде. Потому Дзэн требует от человека предельного волевого усилия. Пережить мгновенное Озарение, значит, шагнуть в бездну без колебания, без опоры. Дзэн – скачок на тот уровень созна-

ния, или сверх-сознания, где исчезают прежние установки. Дзэн исходит из веры в совершенную природу человека. По словам третьего патриарха чань в Китае Сэн Цаня (VI в.): *«Совершенный Путь подобен бездне, где нет недостатка и нет избытка. Лишь от того, что выбираем, теряем Путь. Не привязывайтесь ни к чему внешнему и не живите во внутренней пустоте. Когда мир покоится в единстве, двойственность сама собой исчезает»* («Доверяющий разум»). Собственно, в этом едины все мистики, где бы и когда бы они ни жили. По словам Мейстера Экхарта: *«Подлинная неприязанность не зависит ни от чего; она не возносится и не умаляет себя перед другими творениями. Она не сознает ни своего превосходства, ни своих недостатков <...> Неприязанность не желает быть никем. Она оставляет вещи таковыми, каковы они есть»* [9, с. 27].

Дзэн отвергает все, мешающее приблизиться к изначальной Реальности. Потому и называют Дзэн доначальной, безусловной Свободой. Тот, в ком она пробудилась, не может нанести ущерб кому-то или чему-то, ощущая свою причастность миру. Это чистая практика, «чистый опыт», прямое, непосредственное переживание факта жизни. Сознание готово пройти обратный путь до самого истока, потому что исток не замутнен. Когда в мгновение ока пройден обратный путь, освобождается ум, раскупориваются каналы, соединяющие сердце человека с сердцем Вселенной.

Итак, достигший полноты свободен. Свободный не посягает на свободу другого, нет надобности. Более того, спасая себя, спасает все, ибо единосущен с миром. Это происходит само собой, от полноты души. Дзэн не преследует цели даже во имя спасения, зная, что, преследуя цель, теряешь ее. Сатори приходит мгновенно, самоестественно, когда очищено сознание, натружена душа, дух предельно сосредоточен на Высшем. Приходит в той абсолютной точке, где миг встречается с вечностью и раскрывается «цветок ума». Но это зависит от самого человека, никто не поможет, как нельзя помочь цветку зацвести. Потому и говорят: Сатори – самое интимное и личное переживание, преобразующее человека, избавляющее его от привязанности к себе. Эгоцентрик не может быть свободен, находясь в рабстве у самого себя. Судзуки называет «эго» врагом человека, порождающим «противостояние», вечное соперничество.

Вместе с тем, все очень просто и человечно. О пережитом Сатори свидетельствует почти каждое хайку Басё.

*Как свищет ветер осенний!
Тогда лишь поймете мои стихи,
Когда заночуете в поле.*

*Едва-едва я добрел
Измученный до ночлега...
И вдруг – глициний цветы!¹*

Но это простота сострадательной мудрости, со-творения – не от себя и не во имя свое, а по Божьему велению. «*Может ли кто из людей запечатлеть взмахом кисти или исчерпать словами небесное искусство Творения!*» – восклицает Басё. «*Танка Сайгё, рэнга Соги, чайное искусство Рикю – их Путь одним пронизан. Это извечно Прекрасное (Фуга). Кто следует духу Творения (Дзока), становится другим четырех времен года. На что ни смотрит, во всем видит Цветок. О чем ни думает, думает о Луне. Кто не видит во всем Цветка, тот дикарь. У кого нет в сердце Цветка, тот подобен зверю. Изгони из себя дикаря, освободись от зверя, следуй духу Творения и вернешься в Него*» [2, с. 311]. Судзуки поясняет: «*Басё жил не там, где мы, он прошел сквозь поверхностные слои сознания до его глубочайших бездн, в Бессознательное, которое глубже бессознательного, как понимают его обычно психологи. <...> Такое интуитивное постижение Реальности невозможно, если мир Пустоты (Шуньяты) представляется по ту сторону нашего повседневного опыта. Два мира – чувственный и сверхчувственный – нераздельны, суть одно и то же*» [12, с. 241].

Слова Басё о духе Творения можно сравнить с «искрой Божьей» Экхарта, которая есть в каждом, но не в каждом разгорается. «Цветок души» – это то, что в человеке от Бога (образ человеческий, но и образ Божий, по Бердяеву, в этом скрыты все загадки и тайны человека). И неважно, что ее по-разному называют, важно, что человек по природе своей Теург (идея, вдохновившая мастеров искусства России Серебряного века). Просты и непритязательны все виды дзэнского искусства, например составление композиций из цветов (икэбана) или чайная церемония. Их не случайно называют Путем (До): Кадо – Путь цветка и Тядо – Путь чая. Мастера чая говорят: не нужно следовать никаким правилам, просто вскипятить воду и пить чай. Какие могут быть правила, если Дзэн – это Дао, Дао –

¹ Перевод Веры Марковой.

Истина, а Истина – Свобода! Потому и возможно бессловесное общение «от сердца к сердцу», встреча чувств, если одно сердце открыто другому. *«Когда я пью чай в чайной комнате, я выпиваю с ним всю Вселенную, – признается Судзуки. – В тот момент, когда приближаю чашку к губам, сама вечность входит в пространство и время».* Правда, знаменитый мастер чая Сэн-но Рикю (1521–1591), упростивший до предела чайный ритуал, считал возможным назвать четыре правила Пути чая: Ва-Кэй-Сэй-Дзяку. Ва – это атмосфера Гармонии, понимания без слов, когда одно сердце откликается другому. Кэй – Почтительность: ни один из участников не может ставить себя выше другого, чайный дом не только обитель простоты и естественности, но и Справедливости. Сэй – чистота в абсолютном смысле: чистота обители и чувств, чистота души, никаких злокозненных мыслей. Потому и «оставляют меч у порога», за пределами обители мира. Наконец, Дзяку – полный покой, невозмутимость. (Это состояние сравнивают с Нирваной – покоем и блаженством, которое испытывает «забывший себя».)

Кавабата Ясунари напомнил об этих правилах в Нобелевской речи 1969 года и добавил: *«Если ваби-саби (дух простоты, просветленного одиночества. – Т.Г.), столь высоко чтимое в Пути чая “гармония-почтительность-чистота-покой”, означает щедрость души, то крохотная, до предела простая чайная комната воплощает бескрайность пространства, беспредельность Красоты».* Д.Т.Судзуки расширяет смысл этих понятий, называя Гармонию (Ва) «мягкостью духа» (явараги – второе чтение иероглифа Ва), как понимал его японский мудрец Сётоку Тайси. Самое главное – мягкость духа: не противоречить другим, с этих слов Сётоку начал свою «Конституцию» (604 г.). И мастер Догэн, вернувшись из Китая, на вопрос, чему он там научился, ответил: «Мягкосердечию». Почтительность (Кэй) унаследована от Конфуция (ит. Ли, одно из «пяти постоянств», изначальных свойств человеческой природы: Человечность, чувство Справедливости, Почтительность, Мудрость, Искренность; одно без другого невозможно).

Судзуки поясняет: тогда искусство достигает совершенства, когда становится безыскусным, открывая сокровенную Искренность Бытия. Тогда и становится доступен смысл «почтительности» в искусстве чая. Но и это чувство может умаляться, если неблагоприятно время. *«По сути “почтительность” изначально является религиозным чувством. <...> Это чувство затем переносится на социальные*

отношения, а потом вырождается в простой формализм. В нынешнюю эпоху так называемой демократии все люди равны <...> и нет никого, кто бы заслуживал особого почтения» [7, с. 314]. Сколь глубока мысль Судзуки: формальное равенство означает унификацию, унификация – вырождение (соединение однородного, говорил и греческий мудрец Эмпедокл, ведет к Вражде, ненависти-Нейкосу). Все, что посягает на индивидуальную природу, безбожно, враждебно миру. (Отсюда, кстати, неприятие глобализации, угрожающей национальной душе и свободе человека.) «В дзэн каждый индивид – это абсолютная целостность; будучи таковым, он связан со всеми другими индивидами: эта цепь бесконечных взаимоотношений становится возможной в царстве Пустоты, – повторяет Судзуки, – потому что они все находят здесь себя именно такими, какие они есть, то есть индивидуальными сущностями» [7, с. 391]. Дзэн заставляет «слабую травинку действовать как тело Будды <...> и, наоборот, тело Будды действовать как слабая травинка» [7, с. 389]. Дзэн как бы удерживает весь мир в своих ладонях. Это и есть религия дзэн.

Не в этом ли причина устремленности к дзэнскому искусству – к трехстишиям-хайку, к чайному ритуалу, к дзэнским садам, умиротворяющим душу, что душа эта устала сражаться с измышлениями ума, отпавшего от Истины, от Любви?

Литература

1. Августин А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М., 1991.
2. Басё М. Сочинения. Полн. собр. соч. японской классической литературы. Т. 41. Токио, 1972.
3. Бердяев Н.А. Кризис искусства. М.: изд-во Лемана и С.И.Сахарова, 1918.
4. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
5. Догэн. Сёбогэндзо [Глаз – сокровищница истинной Дхармы], 1-й свиток «Гэндзё коан» / Соч. Догэн дзэнси. Токио, 1969.
6. Кандзо У. Собрание сочинений. В 40 т. Токио, 1982.
7. Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. СПб., 2003.
8. Судзуки Д.Т. Из лекции, прочитанной на Международной конференции 1957 года «Дзэн-буддизм и психоанализ» в Мексике // Цит. по: Дзэн-буддизм и психоанализ. М., 1995.
9. Судзуки Д.Т. Мистицизм: христианский и буддистский. Киев: София, 1996.
10. Цит. по: Бреславец Т.И. Поэзия Мацуо Басё. М., 1981.
11. Юнг К.Г. Предисловие // Дзэн-Буддизм. Бишкек, 1993.
12. Suzuki D. T. Zen and Japanese Culture. London, 1959.
13. Takuan Soho. The Unfettered Mind. Tokyo – New-York – London. 1987.